

творная его подробну написати подшахомся, сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся“.¹

Двойственность, контрастное совмещение скверных и добрых качеств в характеристиках Тимофеев считает знаком их беспристрастности: „И да никто же мя о сих словесы уловит, иже о любославнем разделением: во овых того есм уничижая, в прочих же, яко похваляя“.² И в другом месте: „егда злотворная одинако изречена бы, добрая же от инех сказуема, нами же умолкнута, — яве неправдование обнажилось бы писателево; а иже обоя вправду известуема без прилога, всяка уста заградятся“,³ т. е. никто не сможет возразить и упрекнуть автора в пристрастии, в односторонности, если он будет отмечать в человеке и злые и добрые черты. Положительная же или отрицательная характеристика — лишь обнажает „неправдование“ писателя.

Иван Тимофеев не может решить, какая из чаш весов перетянет после смерти Бориса: „В часе же смерти его никто же весть, что возоде и коя страна мерила претягну дел его: благая, ли злая“.⁴

Так же, как и автор второй редакции Хронографа, Иван Тимофеев, не рассматривает злое и доброе начала в характере человека как нечто извечное и неизменное. Впервые в русской литературе писатели начала XVII в. стремятся выяснить причины появления и роста в характере исторического лица тех или иных качеств, рассматривают влияние одного человека на другого. Автор второй редакции Хронографа отмечает влияние Анастасии Романовой на Грозного; Иван Тимофеев, как один из факторов добродетели в характере Бориса, отмечает доброе влияние на него со стороны царя Федора Иоанновича. „Не вем вещи силу сказати, откуда се ему доброе прибысть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую... Мню бо, не мал прилог и от самодержавнаго вправду Феодора многу благу ему навикнути, от младых бо ногот придержася пят его часто“.⁵

Впервые, следовательно, в русской литературе был поднят вопрос о факторах, обуславливающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает их изменчивость, как не смущают и контрасты. Иван Тимофеев различает следующие слагаемые человеческого характера на ряду с „естеством“: „произволение“, т. е. свободный выбор человека, „за славу мирскую“, т. е. тщеславие — оглядку на людское мнение, и, наконец, непосредственное влияние других людей — в данном случае царя Федора.

Перемена этих слагаемых вызывает изменения в человеческом характере. Так же как у автора второй редакции Хронографа — Гроз-

¹ Там же.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 339.

⁴ Там же, стр. 341.

⁵ Там же, стр. 340—341.